

УДК 811.161.1'276.3'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

A. V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

ДЕТСКАЯ КЛЯТВА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: РЕЧЕЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

CHILDREN'S OATH IN THE SOVIET ERA: SPEECH GENRE CHARACTERISTICS

Аннотация. Автор исследует клятву как вторичный жанр детской речи. Основу материала статьи составили устойчивые выражения, функционирующие в неофициальной коммуникации. Большинство из них появилось в советское время, что связано с особой ролью ритуала в СССР и особенностями советской речежанровой системы. Наиболее существенные отличия детской клятвы связаны: с ее формальной организацией (более узкий репертуар компонентов, выступающих в функции залога или гаранта при обязательности их вербализации, возможность рифмы, устойчивый характер), с наличием способов ее нейтрализации в целях освобождения от ответственности за нарушение; разнообразием источников, из которых происходит заимствование речевых формул клятв (жаргон, устная речь) и на основе которых возникают новые тексты (текст присяги пионера, стихотворные переложения клятв, художественные тексты). Ставится вопрос об отношении клятвы к детскому фольклору.

Ключевые слова: речевой жанр, клятва, жаргон, детский фольклор.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

Abstract. The oath in child's speech becomes a secondary character. The basis of the article comprises set expressions, functioning in an informal communication. Most of them appeared in the Soviet period, due to the specific role of ritual in the USSR and the characteristics of the Soviet system of the speech genres. The most significant differences between children's oath are: its formal organization (a narrower repertoire of specific components acting as a guarantee in the case of their verbalization, the possibility of rhyme, stability); the presence of methods to neutralize it with the purpose of exemption from liability for its breach; a variety of sources, of which there is a borrowing of speech formulas of oaths (jargon, oral speech), and on which there are new texts (text of the pioneer oath, poetic transcriptions of oaths, literary texts). The author poses the question of the relation of the oath to the children's folklore.

Keywords: speech genre, oath, slang, children's folklore.

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, candidate of philological sciences, associate professor of the Russian language chair.

Place of employment: Sterlitamak Branch of Bashkir State University.

1. Вводные замечания

Сфера детской речи представляет научный интерес в том числе с точки зрения развития речежанрового мышления, которое возникает «значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала формирования у ребенка языковой структуры» [1 : 43]. Отсутствие многих жанров в детской речи вызвано ограничениями, связанными со статусом коммуникантов, в то же время ей свойственны особые жанры (жанры детского фольклора [2]; инсценированный квазидialog [3] и др.). Некоторые из них представляют собой реликты жанров

традиционного фольклора. Так, закличка, имеющая зачин «Самолет, самолет, забери меня в полет...», противопоставлена традиционным текстам данного жанра, где коммуникативная цель содержит «просьбу решить прежде всего хозяйственные вопросы» [2 : 18], а в качестве адресата выступают объекты природы [4, т. 2 : 260]. Закличка «Самолёт, самолёт...» лишилась присущих жанру магических целей, изменился ее адресат, цель произнесения, поэтому у С. Б. Борисова она названа «кричалкой», «детским речитативом» [5, т. 2 : 352].

Произведения детского фольклора де-

лятся на «творчество взрослых для детей» (колыбельные, пестушки), «творчество взрослых, ставшего со временем детским» (заклички, загадки) и «детское творчество в собственном смысле этого слова» (молчанки, дразнилки) [6 : 557]. По аналогии с этим в детской речи многие жанры имеют разновидности, отличающиеся по ряду параметров. Так, противопоставлены анекдот и анекдот детский [7 : 231]. Важно и культурно-историческое место жанра, в связи с чем говорят, например, о советской жанровой системе [8], анекдоте 1970-х [9], анекдоте начала XXI в. [10].

2. Постановка проблемы

Разнообразие аспектов изучения клятвы [4 ; 11–15] продиктовано их фиксацией «в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах» [13 : 222]. По-видимому, клятва как речевой жанр органична для детской речи, но появление того разнообразия материала, каким мы располагаем, связано с историко-культурными, политическими и языковыми новациями советского периода, т.к. «более всего на увеличение жанрового репертуара ребенка влияет расширение его социального опыта» [1 : 45]. В результате наблюдений над речевым материалом, отражающим во многом собственный детский опыт общения, мы пришли к выводу о своеобразии оформления «детской» неформальной клятвы, отличающего ее от «взрослой», после чего была поставлена задача описать особенности функционирования данного речевого жанра. Клятва для детской речи является вторичным жанром. А «любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает (иногда – довольно много), порождает один или целую серию запретов» [9 : 169], что будет учтено при исследовании параметров клятвы (на основе «анкеты» речевого жанра [16]).

3. «Речевой портрет» клятвы в детской речи

3.1. Коммуникативная цель

Клятва – «торжественное обещание, уверение, подкрепляемое иногда упоминанием чего-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет; присяга» [17, т. 5 : 1064]. Она соотносится как с обещанием, так и с уверением [18 : 226], чему соответствуют коммуникативные цели: обещание че-

го-либо и уверение в чем-либо. «Глубинным психологическим мотивом» клятвы является «потребность говорящего в доверии со стороны адресата(ов)», а ее целевая установка связана с «достижением искомого доверия» [19 : 4]. Цель присяги («официального и торжественного обещания, клятвы соблюдать верность, какие-либо обязательства» [17, т. 11 : 787]) – не только торжественное обещание, но и фиксация перехода в новый статус присягающего. В СССР ребенок сталкивался с присягой, когда вступал в пионеры, а опосредованно – знакомясь по фильмам и рассказам взрослых с воинской присягой, и в клятве неофициальной, бытовой мы обнаружим их влияние.

3.2. Образ автора и адресата

Во-первых, в детской речи исключаются клятвы (именуемые зарокон), где адресатом и адресантом является одно и то же лицо: «покалялся в душе, дал себе зарок» и т.д. [14].

Во-вторых, неофициальная клятва предполагает равенство адресата и адресанта (в присяге адресат выше по статусу). «Детская» клятва «неинтересна» старшему: взрослый может наказать адресанта за ложь, а старший ребенок – применить физическое воздействие. Адресат не должен быть таким, кто не способен повлиять на репутацию адресанта в случае обмана (им адресуются дразнилки типа «*Обманули дурака на четыре кулака...*»). Да и само оформление клятвы либо «несерьезно» для взрослого («*Ленина обманывать никогда нельзя*»), либо неэтично по отношению к нему («*зуб даю*»).

В-третьих, клятва в детской речи безразлична к параметру *единичности / обобщенности* адресата – это может быть как группа сверстников, так и один из них (в отличие от обобщенного адресата в «Клятве пионера»).

В-четвертых, как и в коммуникации между взрослыми, между адресатом и адресантом «должна присутствовать хотя бы некоторая степень знакомства» [14 : 20], т.к. при исключении встречи в будущем «*давать зуб*» бессмысленно.

В-пятых, как мы увидим далее, детские клятвы могут иметь гендерные ограничения, касающиеся адресата и адресанта.

3.4. Диктум

Клятва «предполагает включённость события в личную сферу автора» [16 : 16] и либо заверяет адресата в истинности сооб-

щённой информации, либо гарантирует ему нечто в будущем: с точки зрения временной отнесенности выделяют клятвы «перспективные» и «ретроспективные (о прошлом или, реже, настоящем)» [11 : 117]. С точки зрения оценки диктумного события клятва противопоставлена обещанию, которое «на обыденном уровне сознания не всегда и не обязательно жертвенно» [13 : 221]. Ситуация, соотношенная с клятвой, мыслится как имеющая высокую степень значимости.

3.5. Фактор прошлого

Клятве может предшествовать рассказ о к.-л. событиях («*Раньше, чтобы доказать, что я говорю правду, мы говорили: «Клянись мамой»*» [5, т. 1 : 534]) или обещание («*В “секретки” я играла, когда мне было 7–8 лет. Мы с девочками-ровесницами из моего двора собирали разноцветные красивые стёклышки, бусинки. И выкапывали ямку и клали туда все содержимое. Показывалось место зарывания предметов только лучшим подругам. Мы говорили: “Клянись мамой, что не расскажешь!”.* И все друг другу клялись» [5, т. 1 : 534]). Инициатива в том, чтобы прибегнуть к клятве, может исходить от адресата (тогда клятве предшествует его реплика).

3.6. Фактор будущего

После произнесения клятвы предполагается, что адресат поверит в искренность адресанта, а последний принимает на себя ответственность за ее нарушение. В детской среде адресант может заранее нейтрализовать действие клятвы, чтобы иметь возможность безнаказанно солгать: «*Достаточно было в момент произнесения незаметно сделать за спиной две двойных фигуры (большой палец, понятно, между указательным и средним, мизинец же мучительным образом перекрещивается с безымянным)*» [5, т. 1 : 535]. Подобного в клятве взрослых нет, хотя описанный прием в какой-то мере соответствует народной традиции использования фигуры (кукиша, дули) в качестве оберега [4, т. 3 : 26–27] и подчеркивает магический характер детской клятвы. Еще один способ такого рода – тайно скрестить указательный и средний пальцы, против чего была придумана формула «*честное слово “без крестиков”*» [5, т. 2 : 628].

3.7. Формальная организация

Репертуар клятв у детей гораздо уже, чем у взрослых. Потому они так узнаваемы в ре-

чи и, по-видимому, более «ритуальны». Детской речи не свойственны формулы типа следующей, где адресант предлагает адресату выбрать залог клятвы: «*– Клянись, чем хочешь... всем дорогим...*» (В. Шукшин. Калина красная). С другой стороны, судя по известным нам «детским» формулам, в качестве клятвы недостаточно произнести лишь слово «клянись» – всегда следует указывать, чем именно. Здесь в традиционной клятве противопоставляется два класса объектов: 1) «святой, чрезвычайно ценный для человека предмет», служащий залогом в его клятве; 2) «как правило, одушевленный предмет, исполняющий роль свидетеля клятвы и гаранта ее исполнения» [18 : 226]. То же – и в детской речи: в качестве залога выступает, например «*сердце матери*» («клянись сердцем матери»), «зуб» («зуб даю»), а Ленин (а также иногда Сталин, партия) выступает как свидетель клятвы или гарант ее исполнения. Предметы и лица, используемые как залог и гарант, отражают систему ценностей детского коллектива, потому их набор ограничен. В речи взрослых он более многообразен: «*– Ну хлебом клянись! – громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох*» (О. Павлов. Карагандинские девятины); «*– Клянись тебе своею жизнью, клянись угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо*» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Способы оформления детской клятвы

1. Формулы, включающие перформативный глагол «клянись» + существительное или субстантивное словосочетание, указывающее на залог клятвы («клянись сердцем матери», «клянись честью» и др.). Некоторые из них заимствуются у взрослых, но трансформируются (так, в девичьей клятве «клянись честью» под «честью» подразумевалась девственность, что налагало жесткие ограничения на образ адресанта [20]).

2. Формулы, в основе которых – модель сочетания «честное слово», но распространенная компонентом, указывающим на залог или свидетеля клятвы. В речи компонент слово опускается, как в сочетаниях «честное пионерское», «честное октябрятское», «честное ленинское», «честное сталинское», «честно Ленина, честно Сталина, честно всех вождей» [5, т. 1 : 535; т. 2 : 626–628]. Адресант, с одной стороны, апеллирует к важным ценностям – честности и чести принадлежать к октябряткам, пионерам (вплоть до «честного садового», произно-

симого в детском саду (<http://serebryakova.livejournal.com/244262.html>)), а с другой – призывает в свидетели членов своей группы или представителей политического пантеона (*Ленина, Сталина, вождей*). К таким формулам близко выражение «слово пацана», апеллирующее к ценностям мужского мира (*пацанов*): « – Слово пацана! – клянусь я, и тотчас Люська убегает» (А. Иванов. Географ глобус пропил).

3. Формулы-предписания, содержащие в своем составе имя свидетеля (гаранта) клятвы: «*Ленина и Сталина обманывать нельзя*», «*Ленина и партию обманывать нельзя*» и др. Автор помнит ситуации, когда адресат, недостаточно уверенный в том, что ему говорят правду, грозил адресанту, что его ложь будет равносильна тому же, что «*обмануть Ленина*». Это напоминает божбу, «апеллирующую к Богу и другим персонажам божественного статуса» [4, т. 2 : 513], в силу особого отношения к Ленину. Уже вскоре после его смерти «сложилась определенная традиция клясться именем Ленина и произносить эти клятвы в ритуальной последовательности» [21 : 141], в этот процесс сразу же были вовлечены и дети: «*Мы, юные пионеры отряда им. дедушки Ильича при детском доме, клянемся над прахом нашего дорогого Ильича, что будем подготавливаться к той тяжелой и упорной работе, которая нас ждет в будущем...*» [21 : 134].

4. Формулы жаргонного происхождения, включающие глагол-связку *буду* и существительное, называющее нежелательный статус, угрожающий нарушителю клятвы. Выражение «*гадом буду*» («*гад буду*») – воровская клятва, а *гад* в аргю – «сотрудник правоохранительных органов» [22 : 58]. Сюда же относятся формулы «*падлой буду*» (*падла* в аргю – «последний человек, негодяй» [25 : 413]), «*бля буду*» (*блядь* в аргю – «предатель преступников» [22 : 58]; у М. А. Грачёва приведена формула «*блядь буду*», но автор настоящей работы встречал в речи исключительно усеченный вариант, приведенный выше). Об актуальности данных формул для детской речи свидетельствует их кодификация в словаре «Русское детство» [5, т. 1 : 195; т. 2 : 196], кроме последней.

5. Выражение жаргонного происхождения, содержащее существительное, указывающее на залог клятвы («*Зуб даю*» [22 : 142]), и глагол *даю*. Оно часто сопровождается жестом: «*Зуб даю*», – *я ногтем*

большого пальца зацепил за зубы, щёлкнул им и провёл пальцем по горлу, будто резнул по шее» (О. Носов. Неоплаченный долг) [Цит. по: 5, т. 1 : 444]. В литературном языке ему соответствует фразеологизм «*руку даю на отсечение*». Формулы этой и предыдущей группы могут быть адресованы только представителям мужского пола (см. характера залога).

6. Ритуалы, в основе которых – жест, при этом адресант может обойтись без вербальной формулы. И хотя интенция «обещание» не может быть «выражена неречевыми средствами» [14 : 25], такой способ возможен для «уверения». Примером служит обыкновение «дотрагиваться до красного» в знак подтверждения своих слов. На регулярный его характер указывают, к примеру, публикации в «Живом журнале»: «*И тут Колька потребовал: – До красного дотронься, что генерал – дедушку Ленина обманывать нельзя!*» (<http://tinaword.livejournal.com/1194262.html>); «*Когда пионера подозревали во лжи, пролили дотронуться до красного: прикоснувшийся к красному врать не может*» (<http://alikh-zubr.livejournal.com/177145.html>). В следующем фрагменте находим развернутое описание ритуала клятвы, включающего жесты: «*Честное пионерское! (здесь дающий клятву осенял себя салютом). Красная звезда! (нужно было шагнуть в сторону, сделав ноги на ширине плеч, и одновременно раскинуть руки, образуя собой живую звезду). Ленина обманывать никогда нельзя!!! Обязательно ухитриться успеть ухватиться за красное (например, за свой же галстук)*» (<http://serebryakova.livejournal.com/244262.html>).

Прикосновение к красному отражает систему ритуалов советского времени (целование красного знамени – часть воинской присяги в СССР). Ср. также: «*Ребята рассказывали, что когда принимают в пионеры в мужских школах, мальчик, стоящий в шеренге первым, преклонив колени, целует красное знамя дружины. А другие ребята целуют свои красные галстуки*» [5, т. 2 : 238]. От официальной присяги к неформальной клятве передается обычай использовать ритуальный жест, а от красного цвета знамени любому красному предмету – смысловая нагрузка «священного». С другой стороны, подобные действия – своеобразное проявление «памяти жанра» (клятва изначально предполагала жест [12 : 51]). Разумеется, взрослый такую клятву всерьёз

воспринимать не мог, как и опасность «обмануть Ленина»: «Когда надо было подтвердить истинность своих слов или придать им вес, мы клялись Лениным и дотрагивались до красного» (<http://www.ljpoisk.ru/archive/3932487.html>).

7. С. Б. Борисов фиксирует девичьи «ритуалы, предусматривающие использование крови как «чернил» для написания текста клятвы» [20], противопоставленные всем описанным выше способам оформления клятвы по форме (письменная – устной).

4. Клятва и детский фольклор

Тексты детских клятв воспроизводятся в речи как готовые формулы, а потому вызывает интерес вопрос об их отношении к детскому фольклору. Так, исследователи говорят об «этикетном фольклоре» и «фольклоре детского права», к которым относят «формулы устрашения перед дракой», «стереотипные выражения регулирования конфликтов», «формулы фиксации собственности» и др. [7 : 226], однако о клятвах в известных нам работах речь не идет [2 ; 7 ; 23 ; 24]. Это может быть связано как с ограниченным набором текстов данного жанра, так и с его отсутствием в традиционном фольклоре. По словам К. В. Чистова, «прозаическая фольклорная устная речь, воплощающаяся в целом веере жанров, отделена от обыденной речи не столько резко обозначенной границей, а, условно говоря, полосой перехода» [25 : 59–60]. «Из текстов, формирующихся и бытующих в «полосе перехода»... некоторое внимание уделялось только этикетным формам общения ..., пословицам и поговоркам, и, наконец, устойчивым словосочетаниям (фразеологизмам). Подобные речевые явления вплетаются в обыденную устную речь, не отчлняются от нее. Вместе с тем в определенном смысле это уже тексты, вошедшие в традицию, это стереотипы речевого поведения, фольклорные зерна, рассыпанные в разовых текстах» [25 : 61]. Очевидно, что «фольклорные зёрна» некоторых детских клятв (поэтических и прозаических) «проросли» в традицию, как следующий текст, представленный в заголовке газеты: «Честное слово, красная звезда, Ленина обманывать никогда нельзя!» (<http://www.perm.kp.ru/daily/24106/331605/>). Подобные тексты питались от пионерской традиции «стихотворных переложений клятвы или девиза» [26]. Налицо и свойственная фольклорному тексту вариативность: в одном из вариантов приведенного

текста «честное слово» заменено на «честное пионерское», а в другом заключительная фраза звучит как «Ленина и Сталина обманывать нельзя!». В детском фольклоре рифма обеспечивает мнемонический, суггестивный, развлекательный и др. эффекты [27], и стихотворная организация текстов клятв выступает как предельное воплощение признака устойчивости.

5. Выводы

Клятва, таким образом, имеет специфическую разновидность в детской речи, которая отличается по целому ряду параметров от клятв, свойственных речи взрослых: по признаку речевого оформления, концепции адресата и адресанта, наличию возможности их нейтрализации. Для клятвы в детской речи характерна большая степень формализации, нередко рифмованный характер, обязательность вербализации компонентов, указывающих на залог или гаранта клятвы. Большинство рассмотренных нами текстов и ритуалов «детских» клятв характерно для советского периода. Это далеко не случайно. Клятва как речевой жанр обрела в советское время массовый характер (как в официальной, так и в неофициальной коммуникации) в силу «ритуализации общественной речевой деятельности» [28] и соответствия «советской речевых жанровой системе» [8]. Сегодня, очевидно, из речи ушли формулы клятв, связанные с советской идеологией, однако сохраняются арготические по происхождению выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 40–52.
2. Карпунин И. Е. Русский детский фольклор в Башкортостане. Уфа : Баш. энциклопедия, 2013. 654 с.
3. Петрова Т. И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6 – 8 лет) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 185 с.
4. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999; 2004. Тт. 2–3. 732 с.
5. Борисов С. Б. Русское детство XIX–XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. СПб : «Дмитрий Буланин», 2012. 832 с.
6. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М. : Высшая школа, 2001. 735 с.

7. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: проблемы и перспективы изучения // I Всерос. конгресс фольклористов: сб. док. / Ред. А. С. Каргин. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2005. Т. 1. 2005. С. 215–239.

8. Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С. Общелингвистические основания советской жанровой системы // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 62–74.

9. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

10. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов: ИЦ Наука, 2005. Вып. 4. С. 296–301.

11. Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры: дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2014. 348 с.

12. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

13. Малинович Ю. М. Малинович М. В. Модусы речевого акта обещания: клятва в индоевропейских культурах // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 220–230.

14. Галлямова Н. Ш. Речевой акт «Обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. 2010. №3. С. 16–32.

15. Сиразиева З. Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 24 с.

16. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Берлин, 1990. № 2. С. 20–32.

17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: АН СССР, 1950–1965.

18. Карабыков А. В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы Междунар. науч. конф.: в 3 ч. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 3. С. 226–231.

19. Чесноков И. И. Речевой акт клятва: истоки и первичные формы объективации // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2013. №9 (84). С. 4–7.

20. Борисов С. Б. Субкультура девичества: российская провинция 70–90-х гг. XX в.: автореф. дис... доктора культурологии. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (дата обращения: 26.11.16).

21. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999. 285 с.

22. Грачев М. А. Толковый словарь русского жаргона. М.: ЮНБЕС, 2006. 794 с.

23. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.

24. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

25. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

26. Леонтьева С. Г. Поэзия пионерских праздников. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/leontieva4.htm> (дата обращения: 26.11.16).

27. Петрова А. А. Фольклорная рифма как прием: синтактика, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 228 с.

28. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (дата обращения: 26.11.16).

REFERENCES

1. Sedov K. F. *Psicholingvističeskie aspekty izučeniya rečevykh žanrov* [Psycholinguistic aspects of studying of speech genres] // *Zhanyri reči. Sb. nauč. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2002, Iss. 3, pp. 40–52.

2. Karpuhin I. E. *Russkij detskij fol'klor v Bashkortostane* [Russian children's folklore in Bashkortostan]. Ufa, 2013. 654 p.

3. Petrova T. I. *Inscenirovannyj kvazidialog kak osobyj žanr detskoj reči (na materiale reči detej 6–8 let)* [The dramatized quasialogue as a special genre of the children's speech (on material of the speech of children of 6-8 years)]. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Vladivostok, 2000. 185 p.

4. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvističeskij slovar': v 5 t. / Pod red. N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. Ed. by N. I. Tolstoy]. Moscow, 1999, 2004, vv. 2–3.

5. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologičeskij slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary]. St. Petersburg, 2012. 832 p.

6. Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorčestvo* [Russian folklore]. Moscow, 2001, 735 p.

7. Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur'e M. L. *Detskij fol'klor: problemy i perspektivy izučeniya* [Children's folklore: problems and prospects of studying] // *Pervyj Vseross. kongress fol'kloristov* [First Russian congress of specialists in folklore]. Moscow, 2005, v. 1, pp. 215–239.

8. Romanenko A. P., Sandzhi-Garjaeva Z. S. *Obshhefilologičeskie osnovanija sovetskoj žan-rovoj sistemy* [Philological bases of the Soviet genre system] // *Zhanyri reči. Sb. nauč. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2002, Iss. 3, pp. 62–74.

9. Dement'ev V. V. *Teorija rečevykh žanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

10. Shmeleva E. Ja., Shmelev A. D. *Russkij anekdot v dvadcat' pervom veke (transformacii rečevogo*

zhanra) [Russian anecdote in the twenty first century (transformation of a speech genre)] // *Zhanry rechi. Sb. nauch. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2005, Iss. 4, pp. 296–301.

11. Karabykov A. V. *Kul'turno-kommunikativnyj mehanizm i formy osushhestvlenija performativnosti v istorii kul'tury* [The cultural and communicative mechanism and forms of implementation of a performativity in the history of culture. Doct. philol. sci. thesis diss]. Tomsk, 2014. 348 p.

12. Mechkovskaja N. B. *Jazyk i religija* [Language and religion]. Moscow, 1998, 352 p.

13. Malinovich Ju. M., Malinovich M. V. *Modusy rechevogo akta obeshhanija: kljatva v indoevro-pejskih kul'turah* [Modes of the speech act of the promise: an oath in Indo-European cultures] // *Logicheskij analiz jazyka. Lingvofuturizm. Vzgljad jazyka v budushhee* [Logical analysis of language. A language look in the future. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, 2011, pp. 220–230.

14. Galljamova N. Sh. *Rechevoj akt «Obeshhanie, kljatva» v russskoj jazykovej kartine mira: lingvokul'turologicheskij, funkcional'no-pragmaticheskij aspekty* [The speech act «Promise, an oath» in the Russian language picture of the world: linguoculturological, functional and pragmatical aspects] // *Jazyk i kul'tura* [Language and culture], 2010, v.3, pp. 16–32.

15. Sirazieva Z. N. *Kljatva kak rechevoj zhanr v russskojazychnoj i anglojazychnoj lingvokul'turah* [Oath as a speech genre in Russian-speaking and English-speaking cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kazan, 2012, 24 p.

16. Shmeleva T. V. *Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii jazyka* [Speech genre. Possibilities of the description and use in teaching language] // *Rusistika*. Berlin, 1990, v. 2, pp. 20–32.

17. *Slovar' sovremennogo russskogo literaturnogo jazyka: V 17 t. I Pod red. V. I. Chernyshjova* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad, 1950–1965.

18. Karabykov A. V. *Rechevoj zhanr kljatvy v istorii kul'tury* [A speech genre of an oath in the history of culture] // *Izmenjajushajasja Rossija: novye paradigmy i novye reshenija v lingvistike: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 3 ch.* [The changing Russia: new paradigms and new decisions in linguistics. Collection

of scientific works]. Kemerovo, 2006, v. 3, pp. 226–231.

19. Chesnokov I. I. *Rechevoj akt kljatva: istoki i pervichnye formy objektivacii* [Speech act oath: sources and primary forms of an objectivization] // *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The studies of Volgograd state pedagogical university]. 2013, v. 9 (84), pp. 4–7.

20. Borisov S. B. *Subkul'tura devichestva: rossijskaja provincija 70–90-h gg. 20 v.* [Subculture of the girlhood: Russian province of the 70–90th of the 20th century. Doct. cultur. sci. thesis diss.]. Available

at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (accessed 26 November 2016).

21. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii*. [Lenin is alive! Lenin's cult in the Soviet Russia]. St. Petersburg, 1999. 285 p.

22. Grachev M. A. *Tolkovyj slovar' russskogo zhar-gona* [Dictionary of the Russian slang]. Moscow, 2006. 794 p.

23. Lojter S. M. *Russskij detskij fol'klor i mifologija: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and mythology: Research and texts]. Petrozavodsk, 2001. 296 p.

24. Cherednikova M. P. «*Golos detstva iz dal'nej dali...*» (*Igra, magija, mif v detskoj kul'ture*) [«A childhood voice from a distant distance ...» (A game, magic, the myth in children's culture)]. Moscow, 2002. 224 p.

25. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Tradicija: Sb. st.* [Folklore. Text. Tradition: collection of scientific works]. Moscow, 2005. 272 p.

26. Leont'eva S. G. *Pojezija pionerskih prazdnikov*. [Poetry of pioneer holidays]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/leontieva4.htm> (accessed 26 November 2016).

27. Petrova A. A. *Fol'klornaja rifma kak priem: sintaktika, semantika, pragmatika* [Folklore rhyme as reception: syntactics, semantics, pragmatics. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2006. 228 p.

28. Krongauz M. A. *Bessilie jazyka v jepohu zrelogo socializma* [The impotence of language in the era of developed socialism]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (accessed 26 November 2016).

Статья поступила в редакцию 28.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Детская клятва в советскую эпоху: речезанровые характеристики // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78

FOR CITING

Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).